

Ася Поволь

Кажется, я убийца

Ася Поволь

Кажется, я убийца

«Автор»

2026

Поволь А.

Кажется, я убийца / А. Поволь — «Автор», 2026

Психологическая новелла о границах контроля - внутри себя и над чужой жизнью. Леон и его соседка Карла. Два голоса, одна стена. Перешагнув запретную черту, обратного пути уже не найти.

© Поволь А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

I	5
II	7
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Ася Поволь

Кажется, я убийца

I

Леон

Я просыпаюсь в семь сорок. Не по будильнику — он стоит на восемь, но я почти никогда не даю ему сработать быстрее меня. Тело знает само.

Лежу несколько минут. Смотрю в потолок. Трещина от левого угла — тонкая, почти декоративная. Три года я её наблюдаю, она не меняется. Мне это нравится.

За стеной — щелчок замка, шаги по лестнице. Карла вышла. Без пятнадцати восемь, я это знаю, не глядя на часы.

Встаю. Кофе, тост. Каждое утро одно и то же. Решения стоят ресурса — незначительные стоят столько же, сколько важные, только отдача ниже. Я давно научился это считать.

Пью кофе у окна. Двор внизу полупустой. Кто-то выгуливает собаку. Фонарь ещё не погас, хотя уже светло. В восемь двадцать выхожу. Смена начинается в девять.

Нойкёльн — уже живой, но ещё не громкий. Я иду по Карл-Маркс-штрассе и смотрю под ноги. Асфальт мокрый — ночью был дождь. У входа на станцию кто-то уронил стакан с кофе, он лежит на боку, коричневая лужа расплзается к бордюру. Никто не убирает.

В толпе у турникетов кто-то наступает мне на ногу — мужчина в серой куртке, не оборачивается, идёт дальше. Я останавливаюсь на секунду. Смотрю ему вслед. Потом прохожу через турникет.

Вагон полный. Я стою, держусь за поручень. Рядом женщина слушает что-то в наушниках и шевелит губами. Напротив — старик читает газету, держит её двумя руками, очень прямо, как будто это важный документ.

Поезд тронулся. Я смотрю в окно — тоннель, редкие лампы, темнота между ними. Всего две остановки до Ратуши. Выхожу.

Кофейня называется «Две минуты» — это расстояние от станции. Двенадцать столиков, низкий потолок, кирпич, который Бен специально не стал штукатурить.

Я прихожу в восемь сорок. Включаю машину, протираю стойку, расставляю чашки. Это занимает ровно столько времени, сколько нужно. В девять открываемся.

Первым приходит Вернер — пожилой, живёт напротив, капучино без сахара, садится у окна. Я делаю ему кофе. Он говорит «спасибо» и продолжает читать новости в телефоне. Мы не разговариваем ни о чём другом. Нас обоих это устраивает.

Потом — молодая женщина, флэт уайт с собой, всегда торопится. Студент с ноутбуком, американо, занимает столик у стены на три часа. Пара — он берёт два латте, она смотрит в телефон, пока он несёт кофе. Мужчина средних лет, каждый раз спрашивает про состав сиропов, каждый раз берёт одно и то же.

Я делаю кофе. Улыбаюсь в нужных местах. Говорю достаточно, чтобы меня не считали грубым.

За восемь часов через стойку проходит людей сто. Каждый приносит с собой что-то — усталость, торопливость, обрывок чьего-то разговора. Я это вижу, я в этом нахожусь — и при этом не нахожусь совсем.

Как будто между мной и всем этим есть стекло. Тонкое, прозрачное. Не мешает смотреть. Просто не даёт прикоснуться.

В пять часов Бен говорит: «До завтра, Краузе». Я снимаю фартук, мою руки.

На улице холоднее, чем утром. Я иду тем же маршрутом обратно. В пять улица Берлина — другая: громче, плотнее, запах еды с угла, музыка из чьей-то машины. Кто-то раздаёт листовки у входа в магазин, протягивает мне — я прохожу мимо.

В метро сейчас свободнее, чем утром. Я сижу. Смотрю в окно. Выхожу на своей.

Дома снимаю куртку. Кипячу воду. Устраиваюсь на кухне.

За стеной тишина — Карла ещё на работе. Придёт около шести.

Я сижу. Жду. Не её — просто сижу. Хотя это почти одно и то же.

II

Про детство скажу немного — не потому что нечего, а потому что незачем. Детство не объясняет человека. Оно просто — фон.

У меня фон был тихий. Маленький город. Типовой дом, типовой двор, школа в десяти минутах пешком. Всё как у всех, примерно.

Мать кормила, одевала, платила за школу. Когда мне было плохо — предлагала чай. Когда страшно — говорила «не выдумывай». Не из злобы. Просто у неё не было других инструментов. Она любила меня — конкретно, функционально.

Однажды в семь лет я упал с велосипеда, разбил локоть до кости. Она обработала рану, перевязала. Аккуратно, молча. Я смотрел на неё и ждал чего-то. Не знал чего — просто ждал. Она сказала «не плачь» и ушла на кухню.

Я запомнил это не как обиду. Просто как информацию: если ждёшь чего-то от другого человека — можешь ждать вечно. Лучше не ждать.

Отец умер в январе, когда мне было тринадцать. Сердце, ночью, быстро. Я узнал утром. Мы мало пересекались при жизни — его почти никогда не было дома, он существовал где-то на периферии моего дня.

Первая мысль была про школу — надо ли идти. Не потому что я бессердечный. Просто шок у меня выглядит не так, как у других.

Заплакал я через три дня — в ванной, на полу, один. Не по нему — по его куртке. Тёмно-синяя, висела у входа, пахла табаком. На следующий день после похорон мать убрала её в пакет. Запах ушёл. Это было невозполнимо — конкретно это, больше ничего.

После его смерти мать начала искать опору во мне. Тихо, постепенно — она, наверное, сама не замечала. Мне было тринадцать. Я не был готов. Никто не был бы готов в тринадцать.

Именно тогда я решил: я не буду нуждаться. Не буду строиться вокруг другого человека. Не буду ждать. Это казалось мне силой.

Потом понял — тоже сломанность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.